

УДК 342.7

К ВОПРОСУ О МИНИМИЗАЦИИ ПРАВООЩИТНЫХ РИСКОВ

© 2020 г. А.Е. Новикова

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015*

В статье обоснован тезис о государстве как носителе функции главного риск-менеджера на основе статьи 2 Конституции Российской Федерации. В рамках теории правозащитных рисков для положительной корректировки правозащитных ситуаций, опосредованных рисками, избран термин «минимизация»; дана его авторская трактовка.

Автором предложено введение в научный оборот термина «профиль правозащитного риска», который будет способствовать индивидуализации конкретной разновидности правозащитного риска и мер, способствующих его минимизации и нивелированию неблагоприятных последствий.

Ключевые слова: *риск, минимизация риска, управление, государство, деятельность, процесс.*

The article substantiates the thesis about the state as the bearer of the function of the chief risk Manager on the basis of article 2 of the Constitution of the Russian Federation. Within the framework of the theory of human rights risks, the term "minimization" is chosen for positive correction of human rights situations mediated by risks; its author's interpretation is given.

The author proposes the introduction of the term "human rights risk profile" into scientific circulation, which will contribute to the individualization of a specific type of human rights risk and measures that contribute to its minimization and leveling of adverse consequences.

Keywords: *risk, risk minimization, management, state, activity, process.*

В связи с существованием рисков объективно стремление воздействовать на них с помощью права. Типично такое воздействие именуют управлением. Данное актуально и в отношении предлагаемых правозащитных рисков.

В юридической науке, правовой рискологии предпринимаются попытки раскрытия процесса управления рисками в общеправовом [1, 2], экономическом [3, с. 30-39], финансово-бюджетном [4, с. 31-34; 5, с. 7-12; 6, с. 42-47, 7], таможенном [8, с. 20-24; 9, с. 25-28; 10, с. 3-6] и других аспектах. Вместе с тем, объектом самостоятельного научного исследования не выступали механизмы правового воздействия на правозащитные риски. С целью их формирования обратимся к имеющимся разработкам не только в юридической науке, но и управленческой, по причине большего опыта в данном вопросе.

Итак, под управлением рисками (risk management), как правило, понимается «воздействие на риск/риски, приводящее к изменению какой-либо одной или нескольких характеристик риска, т.е. вероятности и (или) последствий» [11, с. 45-50].

Стандартом ISO 31000:2009 «Risk management – Principles and guidelines» управление рисками определено как «скоординированные мероприятия по выработке направлений функционирования организации и контролю ее деятельности с учетом риска». В Стандарте «предложена структура системы риск-менеджмента (risk management framework), включающая, помимо прочего, политику, цели, стратегии и организационные меры (процессы)» [12]. Указанным документом управление рисками адресовано для организации. Однако структура такого управления может быть образцом для копирования управления различными видами рисков, включая публичные сферы в рамках юридических разработок.

Управление рисками также считают целесообразным понимать с точки зрения системного подхода (systems approach), ценность которого как методологического направления заключается в том, что он ориентирует исследование на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину [7, с. 42-47].

На применении данного подхода настаивают и теоретики права. В частности, М.Н. Марченко отмечает, что «системность права, с одной стороны, обусловлена системным характером самих общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования, а с другой – усилиями высокопрофессионального законодателя, стремящегося отразить системность общества через системность

принимаемых нормативных правовых актов, которая, в свою очередь, обеспечивает системность всего права в целом» [13, с. 42].

В настоящее время в юридический научный оборот введено понятие «правовое управление рисками», которое определяется как «волевая деятельность, направленная на правовую регламентацию отношений, связанных с рисковыми явлениями, правовой контроль над рисками и оперативное воздействие на риски, возникающие в юридической деятельности» [2, с. 124-125].

В «современных развитых странах на государство возлагается функция главного риск-менеджера, которая реализуется, в том числе, посредством установления общеобязательных правил обращения с риском» [7, с. 42-47]. В России также государством предприняты усилия в рамках правотворческой функции в связи с конкретизацией механизмов управления рисками в различных сферах [14, 15, 16].

Полагаем, высказанный тезис о государстве как носителе функции главного риск-менеджера справедлив в переложении к рассматриваемой нами правозащитной сфере, тем более что в соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации именно государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. В данной связи считаем государство основным субъектом управления правозащитными рисками, а также любыми иными процессами, из него вытекающими.

Не отрицая необходимости разработки системы управления правозащитными рисками, считаем этот процесс трудоемким и полагаем, начать необходимо с одного из компонентов управления. Таким является минимизация. Данный подход нами заимствован из Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, в котором минимизация указана как часть управленческого процесса рисками [17].

Так, в Главе 50 «Система управления рисками, применяемая таможенными органами» ст. 376 представила определения, в числе которых управление рисками. Это систематизированная деятельность таможенных органов по минимизации вероятности наступления событий, связанных с несоблюдением международных договоров и актов в сфере таможенного регулирования и законодательства государств-членов о таможенном регулировании, и возможного ущерба от их наступления.

В теории права применительно к правоотношениям с экономическим окрасом минимизацию риска отождествляют с принятием «комплекса различных мер, направленных с одной стороны на устранение и (или) снижение до экономически приемлемого состояния воздействия неблагоприятных обстоятельств, препятствующих удовлетворению имущественного интереса, а с другой стороны, использование благоприятных обстоятельств (возможностей) для наиболее эффективного и полного удовлетворения интереса. Минимизируя риск, заинтересованное лицо воздействует на ситуацию неопределенности результата в целях извлечения наиболее положительного эффекта как от своего поведения, так и от поведения иных лиц, с которыми заинтересованное лицо взаимодействует» [18, с. 79-104].

Исходя из нормативного и доктринального определения, следует, что минимизации рисков имманентен деятельности подход, связанный с нивелированием неблагоприятных последствий.

Типично в рамках процесса управления рисками выделяют стадии, в числе которых «идентификация риска; оценка риска; реагирование на риск (или стадия принятия решения); мониторинг и пересмотр системы управления рисками» [7, с. 42-47]. Не оспаривая предлагаемые стадии, полагаем, для процесса минимизации правозащитных рисков, как частности, алгоритм является более сокращенным и включающим следующие стадии:

– диагностическая – определение ценностей, явлений, которые могут оказаться под угрозой с установлением источников такой угрозы. Применительно к нашему исследованию такими ценностями представляются права и свободы человека и гражданина в сопряжении с реально применяемыми к ним и эффективными правозащитными средствами, механизмами;

– оценочная – заключается в расчете вероятности наступления неблагоприятных последствий для определенных ценностей и явлений;

Уточним, что в учении об управлении рисками рекомендуется устанавливать количественные (измеримые) показатели проявления рискового обстоятельства, при достижении которых должны наступать определенные последствия (например, при просрочке социальных выплат за определенный период времени – обращение в органы государственной власти или в суд и т.п.). В правовых моделях поведения количественные показатели находят отражение в виде, например, сроков совершения каких-либо действий, нормативов формирования фондов и др. [18, с. 79-104].

Кстати, такие количественные нормативы актуальны и для правозащитной сферы. К примеру, в рамках обсуждения вопроса о создании государственного фонда компенсаций потерпевшим от преступлений.

– корректирующая – реализация мер, направленных на восстановление нарушенного права, а также устранение причин, вызвавших соответствующие нарушения в адекватной последовательности.

Полагаем, приращению теории правозащитных рисков также будет способствовать реципированное из правовых источников понятие «профиль риска» (Таможенный кодекс Евразийского экономического союза). Под ним понимается совокупность сведений об области риска, индикаторах риска и о мерах по минимизации рисков. Содержание приведенного понятия подлежит экстраполяции с содержанием разрабатываемых нами правозащитных рисков. В данной связи профиль правозащитного риска предлагаем понимать в качестве совокупности сведений о риске в рамках правозащитных отношений, его индикаторах, а также мерах по минимизации государством. Так как правозащитные риски, к сожалению, многообразны, то термин профиля правозащитного риска будет способствовать индивидуализации конкретной разновидности правозащитного риска и мер, способствующих его минимизации и нивелированию неблагоприятных последствий.

Исходя из представленных рассуждений, а также с учетом тезиса о государстве как носителе функции главного риск-менеджера на основе ст. 2 Конституции Российской Федерации, резюмируем, что применительно к данному исследованию нами для положительной корректировки правозащитных ситуаций, опосредованных рисками, избран термин «минимизация».

Под минимизацией правозащитных рисков мы предлагаем понимать упорядоченную в формах правотворчества, правоприменения и контроля деятельность государственных органов общей и специальной компетенции, направленную на достижение искомого баланса фактических правозащитных отношений и их формализованного конституционно-правового эталона.

Литература

1. Новикова А.Е. Понятие и сущность правозащитных рисков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 14 (109). С. 151-156.
2. Крючков Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление: Дис. ... канд. юрид. наук: Н. Новгород, 2011. 200 с.
3. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 240 с.
4. Горохова С.С. О системе управления рисками в сфере обеспечения экономической безопасности в Российской Федерации // Современный юрист. 2018. № 1. С. 30-39.
5. Алексеева Д.Г. Правовые проблемы управления регуляторным риском при осуществлении отдельных банковских операций // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 2. С. 31-34.
6. Батышев А.А., Семко А.М. Модель управления правовым риском кредитной организации в сфере корпоративного кредитования // Банковское право. 2017. № 3. С. 7-12.
7. Мейтарджян Д.А. Концепция построения системы управления рисками в сфере бюджетных правоотношений // Финансовое право. 2018. № 3. С. 42-47.
8. Арабян М.С., Попова Е.В. Система управления рисками в таможенном деле на современном этапе // Таможенное дело. 2018. № 3. С. 20-24.
9. Немирова Г.И., Савельева Т.И. Теоретические основы формирования системы управления рисками в сфере таможенных услуг // Таможенное дело. 2018. № 3. С. 25-28.
10. Точин А.В. Управление таможенными рисками в Евразийском экономическом союзе // Таможенное дело. 2017. № 1. С. 3-6.
11. Шишаков А. Корпоративный риск-менеджмент. Азбука для юриста // Корпоративный юрист. 2008. № 7. С. 45-50.
12. «ГОСТ Р ИСО 31000-2010. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Принципы и руководство» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 21.12.2010 г. № 883-ст). М.: Стандартинформ, 2012.
13. Марченко М.Н. О признаках «системы» и системном характере права // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». М.: ГОУ ВПО МГПУ, 2010. № 1 (5). С. 41-55.
14. Федеральный закон РФ от 07.02.2011 г. № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте» (ред. от 27.12.2018 г.) // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 904; 2018. № 53 (часть I). Ст. 8440.
15. Федеральный закон РФ от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 28.11.2018 г.) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872; 2018. № 49 (часть I). Ст. 7524.

16. Федеральный закон РФ от 03.08.2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 01.05.2019 г.) // СЗ РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082; 2019. № 18. Ст. 2207.

17. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийского экономического союза <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017 г.

18. Бушев А.Ю. Основы управления рисками в праве // Арбитражные споры. 2008. № 3. С. 79-104.